

Андрей ПЕРМЯКОВ

ГОВОРИТЬ ПРОЗОЙ

Алексей Голицын. Небесные оркестранты Поволжья. – Саратов: Музыка и быт, 2025. – 240 с.

Лет пятнадцать назад ужасно модным было сопоставление понятий: «книга как текст» и «книга как объект». Ознакомившись с текстом «Небесных оркестрантов», стал разглядывать томик-объект. На предмет благодарности составителям, понятное дело. Конечно, знал, что Алексей уже не с нами. И тут оказалось, что книгу он сделал сам. Выхода не дождался, но скомпоновать успел.

Разумеется, те, кто помогал с изданием, те, кого Алексей поблагодарил в кратком предуведомлении, заслуживают самых добрых слов. Тем более заслуживают их авторы тёплого и очень личного предисловия: Антуан Касс, Ольга Брынза, Ольга Шиндина. Но книгу писатель составил лично. Почему это важно – сейчас попробуем сказать подробнее.

В помянутом уже предисловии перечислены грани талантов, коими был одарён Алексей Голицын: краевед, литератор, журналист, архивист, градозащитник, коллекционер, фотограф, лектор, экскурсовод, исследователь... Всего не упомнишь. Я знал его как очень интересного поэта.

А книга даёт ярчайшее представление о прозаике. Именно так: в большей даже степени о прозаике, нежели о краеведе. Впрочем, одно другому не противоречит. Дополняет, скорее. Причём на нескольких уровнях. Именно поэтому столь важной оказалась композиция сборника, определённая, повторим, самим его создателем.

Первым делом повествователь очерчивает границы мира. Есть родное: Саратов, любимая река, топос дома. А вне его, сразу, едва не за порогом – чужое. Не враждебное, а непонятное. Или совсем никакое: *«После часовой переправы из Камышина через Волгу сразу начинается степь. Понемногу исчезает всё...»*. Отсюда почти автоматически следует многократно зафиксированное в самых разных мировых культурах отождествление чужой (пусть и близкой) земли с местом упокоения, а путешественника – со временно умершим¹: *«Теперь мне в общих чертах понятно, куда улетают души степных орлов и неудачливых путешественников. Примерно за 350 километров от Саратова, в левобережную степь, в сторону солнечного Казахстана»*.

Внесаратовские разделы книги Голицына в своей этнографической и краеведческой части то ли подтверждают некоторые исследовательские стереотипы, то ли пародируют их. К примеру, и ехидные студенты-практиканты, и солидные люди, интересующиеся жизнью близлежащих народов, посмеиваются над стандартной последовательностью изложения в научной, а паче того – в научно-популярной литературе об этносах и субэтнических группах: свадьба – религиозные обряды прошлого и настоящего – похороны. Отдельно – кухня. Однако первая же глава «Небесных оркестрантов» называется «Свадьбы и похороны казачьей станицы». Именно про это собеседники рассказывали автору, прибывшему с экспедицией «Гагаринский плавучий университет» в не слишком далёкое от Саратова поселение. Рассказывали не как исследователю или журналисту, а почти по дружбе. Мол, у нас вот так. Очевидно, темы действительно представляются важными для большинства.

Слова местных жителей записаны и воспроизведены честнейшим образом, но описание окрестностей явно выходит за академические пределы: *«Утром мы пошли к Булухте. “Озеро мелкое, берега заболочены, дно илистое”, пишут в справочнике. В общем, верно, но можно и так: “Марсианская соль, проплешины суккулентов, копыта сайгаков”*». Обратим внимание на это «можно и так». Тоже ведь не личный взгляд, а

¹ Например: Т.Б. Щепанская. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX-XX веков. М.: Индик, 2003. – 528 с.

опять вариант отыгрывания чужого тропа: чрезмерно экзальтированного описания малопривычных пейзажей восторженными путешественниками.

Прямая речь также не лишена ноток удивления, но звучит аккуратней. И главное – рефлексивней: *«Экзотически красиво. Весной степь ярко-желтая, ярко-зеленая и ярко-синяя. Летом все выгорает, а осенью снова покрывается красками: темно-желтыми, серыми и коричневыми. Весенние тюльпаны не падают, а стоят до снега одеревеневшие. В коричневой траве лежат синие цветы. И все покрыто фильтром “нуар” из бесплатных фотоприложений»*. Конечно: фотографом Голицын был замечательным, предисловие нас не обманывает. Однако подчёркиваемая бесплатность приложений для визуальной обработки степного зрелища – приём не краеведа и не фотографа, а прозаика. Элемент характеристики рассказчика. Сходной же цели служит следующий пассаж: *«Птенец молча пугал меня раскрытым клювом и оказался чрезвычайно крупным, размером со старый компьютер или новый пылесос»*. Отличное погружение в хронотоп: взгляд безусловно городского жителя; обитателя совершенно конкретной эпохи. Синдбад-мореход не смог бы сравнить детёныша птицы Рух с пылесосом или даже с промышленным компрессором.

Но как та эпоха сформировалась, почему население эпохи стало таким, каким оно стало, – так об этом вся книга. Особенно в части обращения ко временам почти былинным: *«– Мама говорила, что раньше работали только летом, сена много было. А зимой в карты играли, семечки грызли. Пришло время – раскулачивать стали даже тех, у кого два бычка. А потом, при Хрущеве, коров приравняли к козам, и можно было держать только что-то одно»*. Коров приравнивать к козам – это не к штыку перо приравнивать. Тут надлежит обрести действительно высокий градус абсурдизации бытия.

Абсурдизация эта вполне тотальна и повсеместна. Просто угнездившись внутри неё, перестаёшь оную замечать. Могу ошибаться, но, скорее всего, для этого и вынесен в начало повествования рассказ о волжско-заволжской экспедиции. Ибо когда живёшь дома, многого внутри этого самого дома не видишь. Особенно – привычно-шокирующего. Кстати, в нашем случае термин «дом» имеет вполне конкретное значение. Путешественник и краевед Алексей Голицын прожил всю жизнь (увы, но приходится говорить именно так, в прошедшем времени совершенного вида) буквально в одном подъезде. Зато на разных этажах и в разных квартирах. И, публикуя очерки, составившие затем эту книгу, долго не мог придумать, чего б рассказать о своём обиталище интересного: *«Да, еще в пятом подъезде однажды умер милиционер. Отравился, выпив немного стеклоочистителя, купленного в фирменном винно-водочном магазине. Но такое в недавние годы случалось настолько часто, что событием уже и не считалось. Разве что милиционеры травились гораздо реже простых граждан»*. А далее будто пелена спадает. Уж не знаю, связан момент остранения с выездом за Волгу или с каким-либо иным внешним событием, только вдруг жизнь подъезда оказывается удивительной. Там есть зашифрованное послание, точно из приключений Шерлока Холмса. Есть труп, скрываемый в хрущёвской квартире на протяжении четырёх лет. Натуральная такая мумия старушки. Вернее, мумия и символ разом: бабушку эту, умершую вполне своей смертью, прятал дедушка. В смысле, муж. Запах скрывал ароматом цитрусовых, скупаемых им в замечательных количествах. Разоблачила дедулю приезжая дама: запах тления очень сложно скрыть. Но соседи ничего, привыкли за годы. Внимания не обращали. Много тайн скрывают хрущёвские домики.

Отметим, раз к слову пришлось, важный момент: готовя к печати очерки, Голицын довольно разнообразно их компоновал, возможно, вносил некие мелкие исправления. Но собственного взгляда на взаимное расположение вещей, людей и объектов во времени не корректировал. Вот он пишет о безумном от жары лете 2010 года. Там у здоровых-то людей головушка страдала, а уж персонам бурного нрава приходилось совсем грустно. Приходит такой активист-затейник в редакцию, приносит гнилое яблоко. Мол, проступила на том фрукте арабская надпись. На дворе пекло, событий нет – тут и началось.

Обратились аж к муфтию и депутатам. О происшествии Алексей Голицын вспомнил через шесть лет, в 2016-м. Сочинил очерк, посетовав, дескать, сколь спокойными и добрыми были времена: никаких политических треволнений, никаких военных событий, и даже в экономике всё было относительно мирно. Книга, напомним, собрана в 2025 году, когда жизнь сделалась ещё много бодрее, нежели девятью годами ранее.

Но, всё-таки, «абсурдизация бытия» – слишком общий и неточный термин. Очень уж много у этой самой абсурдизации причин. Прежде всего, все мы выпали из времени. Знаете ведь один из любимых кинокомедийных приёмов: взять и поместить человека в иное пространство иного времени. Зрителям смешно, а персонажу так себе. Ну, вот мы и оказываемся раз за разом такими персонажами. Сами подгоняем время и сами же из него выпадаем. Практически с рождения: *«Из роддома меня принесли в квартиру на пятом этаже. Но коляску таскать было тяжело, и спустя год мы переехали в точно такую же однокомнатную на второй этаж. Хотя к тому времени коляска была уже не нужна».*

Хуже бывает лишь когда время нас догоняет. В книге Голицына есть невероятно смешная история в духе Зоценко. То есть смешных историй в духе Зоценко здесь несколько, но эта блистает даже на их фоне, и Михаил Михайлович не зря упомянут в её названии. Собрался жениться обитатель небольшого посёлка. Мол, мама старая, ей тяжело, нужна помощница. Нашёл девушку чуть старше себя. Ухаживал. Почти неделю. Сговорились, выдал немножко приданного. «Кладки» по-местному. Проставился перед роднёй и кумами. Подали заявление, а невеста выпрыгнула замуж за другого. Заявление потерпевшего Киселёва при некотором умении можно подделать: документы от малограмотных людей бывают интересными, но разнообразие их ограничено. Скорее, удивляет фантазмагорически низкий уровень образования местных юристов-заседателей. Вот их документ, сочетающий властность и слабое владение родным языком уже не подделаешь. Решение этих самых юристов не удовлетворило ни одну из сторон, и пошла писать губерния. Достучались аж до областных прокуроров. Тема, опять-таки, из разряда вечных. Развязка отличается: *«На следующий год и Пригов, и начальник КПК Яковлев были арестованы за антисоветскую деятельность, расстреляны и закопаны вообще без всяких обрядов. Впрочем, к приведенным делам это никак не относится».* Когда в финале судебной трагикомедии гибнут прокуроры, пусть и не в результате собственно процесса – ход получается нетривиальным.

То есть и стиль изложения, и композиция отдельных рассказов, и общее устройство книги, безусловно, свидетельствуют о её принадлежности к жанру прозы. Конечно, это не отменяет сказанного в предисловии утверждения: *«Голицын был краеведом в каноническом и незамутненном варианте»;* скорее, дополняет его, как мы уже сказали. Да, можно было бы прибавить определение: «документальная проза». Но важны оттенки. Всё-таки, любые прилагательные ограничивают авторский подход, делая его излишне нацеленным. А прямолинейность зачастую вредит писателю. Даже столь точному, каким был Алексей Голицын.

Вот повествует он о жизни саратовской артистически-художественной богемы. Жизнь эта век назад, как, впрочем, и в иные времена, протекала нескучно. В декабре 1931 года актёры и друзья их основали «Общество божественного разврата». Серьёзное: с уставами, взносами, протоколами заседаний. Протоколы затем сильно облегчили работу компетентных органов. Разврат также присутствовал. Художники не отставали. Впрочем, подмножества артистов и мастеров кисти пересекались. Жизненные модусы тоже: *«В узких кругах Иванов был известен тем, что совмещал работу живописца с успешными комедийными ролями в спектаклях очень популярного когда-то в городе самодеятельного театра при гарнизонном Доме офицеров. А ещё тем, что некогда в пьяной драке ему откусил ухо саратовский живописец Николай Климашин (говорили, что родственник известного графика, саратовского уроженца Виктора Климашина). Иванову пришлось отрастить волосы и зачёсывать на правое, если не ошибаюсь, ухо длинную прядь».*

Весёлое бытование не мешало стукачеству. Доносы пописывали красиво и с удовольствием: *«Тем не менее, письменный акт товарищества художников имеет непосредственное отношение к истории политических репрессий в нашей стране. Хотя бы потому что показывает, чем на самом деле были озабочены творческие организации, конкурировавшие друг с другом за звание самой бдительной конторы. И кто в реальности был виноват в поголовном стукачестве: верхи или низы»*. Конечно, легендарное довлатовское высказывание о писателях четырёх миллионов доносов вспоминается само собой, без всяких интеллектуальных усилий. И вообще Довлатов явно повлиял на «Небесных оркестрантов»: не стилистически манера у Голицына абсолютно своя, а в плане восприятия ситуаций. Но, всё ж верхи и низы не противостояли взаимно в те годы, а демонстрировали порой прямо-таки трогательное единодушие. Да, порой власть, как структура относительно компактная, реагировала быстрее и успевала исправить ошибки масс – применим такую мягчайшую формулировку: *«Разумеется, местные власти, понявшие новый закон, как отмашку к безнаказанным репрессиям, начали усиленно проводить его в жизнь. На практике это означало, что во время второго голода в Поволжье крестьянин мог быть “изъят” за горсть зерна, унесенную с колхозного поля. К маю 1933 года государство очнулось и разослало секретную инструкцию партийным и прочим органам...»*. Но сколько на одну исправленную глупость приходилось непоправимых?

Раз уж вспомнили Довлатова, обратим внимание на общий для него и Голицына приём: самораскрытие на грани самооговора. Особенно в описаниях цинизма журналистской профессии: *«Я уже собрался звонить милиционерам с надеждой на очередного утопленника...»*, например. Вряд ли автор всерьёз о себе. Скорее, прозаик Алексей Голицын пишет о протагонисте Алексее Голицыне.

По мере приближения к девяностым-нулевым Довлатова потихоньку сменяет Пелевин. Опять-таки, не интонационно-стилистически, а ситуационно: *«Менеджер Володя раньше был гитаристом, художник Раиль – водителем трактора, а дизайнером числился я – недоучившийся студент романо-германского отделения. Никто из нас не имел ни малейшего отношения к миру рекламы, но мы успешно соревновались в неведении с нашими клиентами»*. Удивительное было время. Деньги в стране отсутствовали, но при этом сами шли в руки не слишком тонким ручейком. Носители тех рук поражали: *«Клиенты нашей рекламной конторы были похожи, как бычки на пути к мясокомбинату. Этакие Васи из Балашова, удачно поделившие прибыль от ворованного цветмета»*.

Зато и расставались Васи с пришедшими дуром материальными средствами легко, без затей: *«Еще, помню, спрашивал некоего риелтора:*

- *Какой журнал будем делать, цветной или черно-белый?*
- *Да, – исчерпывающе отвечал он»*.

Малоразличимые клиенты самодеятельной рекламной конторы – один из крайне редких случаев обобщения в читаемой нами книге. Если по-школьному выделить основную мысль собранных под этой обложкой текстов, то мыслью этой, будет, пожалуй, взаимовлияние людей и времени. Вернее – общего для всех времени и каждый-раз-отдельного человека. Смотрите: рождается ещё во вполне царской России мальчик. Называют его Пашей. Учится, растёт, становится комсомольцем, коммунистом, директором педагогического училища. Затем по велению партии и зову чего-то уходит на работу по организации колхозов. Засим продолжает карьеру педагога-организатора. Делается аж начальником горно. Вступает в конфликт с областным начальством, пишет жалобы, проигрывает борьбу, самостоятельно уезжает в Сибирь. Через год туда же, но уже не своей волей, едут бывшие руководители Павла. Он возвращается, а через год, будучи довольно взрослым, идёт добровольцем на Финскую войну. Далее – другая война, плен, концентрационный лагерь, фильтрационный лагерь, демобилизация, возобновление карьеры, звание профессора, должность декана, исполнение обязанностей ректора, пенсия, почёт и уважение.

Несколькими годами позже, но в тех же краях рождается другой мальчик, тоже одарённый явной тягой к слову и филологическими способностями. Получает имя Валентин. Отец его, чекист, гибнет во время Антоновского восстания. Мальчик пишет стихи, оканчивает школу, поступает учиться на юриста. Уходит добровольцем на Финскую войну, оказывается на Великой войне. Получает ранение, орден, долго лечится в госпиталях, долго остаётся на службе по завершении боевых действий, становится заместителем командира дивизии. Демобилизация, блестящее окончание учёбы, диплом юриста, три года карьеры – и уход в слесаря, в сварщики, в андерграунд.

Так по-разному сложились сходно начинавшиеся биографии учёного Павла Андреевича Бугаенко и поэта Валентина Акимовича Ярыгина. Не фундаментально противоположные, но совершенно разные методы взаимодействия с обстоятельствами места и времени. Истории этих двух жизней, как и многих других, изложены в книге без пафоса и назидания. Это тоже приём. Псевдобесстрастное несколько академичное изложение в большинстве случаев действует надёжнее плакатно-лозунговых методов. В нестареющей (и, увы, долго ещё обречённой быть актуальной) книге Александра Зиновьева «Зияющие высоты» сказано: *«Говорить – моё призвание. Продукт моей деятельности – мысли, обработанные в слова. А приведут они к каким-то последствиям или нет, меня не интересует»*. Излагал такое, как мы помним, персонаж Болтун. Болтуном он не был, а формулировал мысли яснее многих прочих. И к последствиям они вполне приводили.

Конечно, Голицын использовал и прямые характеристики своих героев. Но изредка, кратко и очень точно: *«Судя по документам тех лет, Бугаенко удавалось делать карьеру даже за колючей проволокой»*, например. И ещё один момент, сближающий подход с довлатовским: уважение к проигравшим. Особенно к тем, кто не смог пережить поражения. Даже если от принятых ими в отношении себя решений страдает общество. Вот доктор-феминистка решила, что оперировать её должна непременно женская бригада во главе с подружкой. Исход оказался фатальным. И не только для больной: *«Успокоив родных, 13 января 1928 года Зинаида Искова-Василёва ввела себе токсическую дозу морфина»*.

Т.е. практически одновременно врачебное сообщество Саратова понесло сразу две осязаемые потери. Но и это еще не все. В декабре 1927 года, когда Алмазова уговаривала подругу на операцию, произошла еще одна трагедия. Покончил с собой доктор И.И. Энеидов, заведующий глазным отделением больницы РУЖД. Он тоже впрыснул себе морфий, и это также было следствием неудачной врачебной практики». Снова повторим: безэмоциональное изложение воздействует сильнее.

Сильнее же этой силы оказывается, пожалуй, только приём контраста. Как мы видели, о событиях и людях родного города Голицын пишет сдержано, зачастую, казалось бы, лишь комментируя документы. Понятно: это очень специфическое комментирование. Примерно в духе Джона Дос Пассоса. Или, как писал два десятилетия назад Алексей Александров про поэта Казимилова: *«...ясно, что речь идёт не о “тексте в тексте”, а скорее о “тексте над текстом” или даже о “тексте вместо текста”*². Ярчайший саратовский тип Борис Казимиров в книге Голицына также представлен.

Теперь вернёмся к началу, к выходу в заволжскую степь. Здесь автор позволяет себе замечательные вольности, совершенно не краеведческие. Сразу в нескольких отношениях: *«Астраханскую степь, которую мы застали в июне 2017 года, нельзя выразить средствами русского языка. Сине-голубое море перетекало в желто-зеленые заливы, и для адекватного описания этого бескрайнего эдема нужны, вероятно, вопли гунна, которые, как известно, кириллическими средствами не передаются»*. Практически по Витгенштейну: *«Границы моего языка есть границы моего мира»*. И языковая игра в духе того же Витгенштейна присутствует вполне.

² Альманах «Василиск» № 4, 2007

С исторической наукой Голицын, шагающий степью, тоже куда менее скрупулёзен и аккуратен, нежели в границах родного города: *«Сначала перевозкой соли занимались жители Центральной России, однако потом их полностью вытеснили чумаки с Украины. В отличие от великороссов, им был привычен полувойенный быт, они легко противостояли кочевникам-киргизам и, наконец, им разрешалось носить оружие. Рекрутировав на транспортировку соли малороссов, государство решило массу проблем на южном направлении. Соляные тракты фактически служили границей, по которой с мая по сентябрь курсировали мобильные вооруженные отряды украинцев. А зимой коням в степи есть было нечего. И набеги степных кочевников постепенно ушли в область преданий»*. Конечно, тут не альтернативная история в чистом виде, но всё-таки гипотеза об устройении засечной черты, как главного фактора победы над кочевниками, куда более убедительна и общепринята.

Впрочем, это частность. История-то вот она: под ногами. Или чуть глубже: *«Запах у эльтонской воды был ужасен. Я отвлекался тем, что, может, тут какой-нибудь сероводород залегает, поэтому из-под земли так оглушительно воняет. Постирал майку, зажав нос, вымыл голову. Хотел почистить зубы, но, к счастью, забыл щетку в машине. С наслаждением вылил на себя последние литры серой жидкости. Заглянул в колодец и увидел, что вся поверхность воды покрыта дохлыми сусликами»*. Как зарождались во степях эпидемии чумы, выкашивавшие затем половину Евразии? Примерно так и зарождались. От воды с погибшими там заражёнными грызунами. Практически – модельный эксперимент на себе.

Совсем мы отделились от Саратова и краеведческой тематики. И хорошо. Собственно, тем и хотели резюмировать: художественная проза и локальная история проживали в своём сосуществовании разные этапы – от полной нерасторжимости на этапах зарождения отечественного краеведения³ до расхождения по разным углам. Повторялись циклы сближения-удаления не раз и не два. Теперь, когда изучение малых родин на явном подъёме, а проза не то чтоб совсем в упадке, но подле оно, взаимодействие может стать даже более тесным, нежели бывало. И книга Голицына – явное тому подтверждение. Будем надеяться, не последняя книга. Да, Алексея нет, но материалы-то остались. А о любви к нему и благодарности мы уже сказали в самом начале. Хорошо, если получится достойно издать многое.

³ Хотя бы В.А. Слепцов. Владимирка и Клязьма. Дорожные заметки, 1861.